

жали бы дѣлать подковы, когда ихъ не нужно, а учителя учили бы когда некого учить, то всякому свѣжему человѣку, то-есть существу одаренному разумомъ и совѣстью, очевидно, что это не было бы раздѣленіемъ, а захватомъ чужого труда. А между тѣмъ такая именно дѣятельность и есть то, что называется по научной наукѣ раздѣленіемъ труда“.

Примѣръ здѣсь выбранъ настолько неудачно, что трудно провѣрить на немъ значеніе той мысли, которая лежитъ въ его основаніи.

Во-первыхъ, еслибы *некого* было учить, то учителя не могли бы продолжать учить; а еслибы кузнецы имѣли возможность *заставить* другихъ людей работать на себя даромъ, то едва ли бы они продолжали дѣлать подковы для собственнаго удовольствія; во-вторыхъ, вообще говоря, принудить кого бы то ни было *купить* что-нибудь (то-есть не только уплатить деньги, но и взять товаръ, за который онѣ уплачены) нѣтъ никакой возможности; заставить отдать деньги, не имѣя на нихъ никакого права, возможно, но это право называется грабежомъ, а не раздѣленіемъ труда, и никакая наука грабежа не рекомендовала.

„Странно было бы видѣть сапожника, говорить графъ Толстой, который считалъ бы, что люди обязаны его кормить за то, что онъ шьетъ, не переставая, сапоги, которые давно уже никому ненужны, но что же сказать про тѣхъ людей, которые уже